

Он вышел «из шинели Чехова»

Вех. Москва. —
1999. — 6 апр. с. 6

Мудрому остроумцу уже исполнилось бы 80. С чувством глубокого удовлетворения напоминаю: еще в 60-е годы Паперного Зиновия Самойловича исключили из партии. И правильно сделали. А вот то, что рукопись его книги о Михаиле Аркадьевиче Светлове именно поэтому тут же на 10 лет залегла в столе издательства, — это как раз неправильно. Почему бы и беспартийному не повспоминать?

Эдуард ГРАФОВ

Но надо отдать должное недосмотру партийных органов — из Института мировой литературы Паперного почему-то не вышибли. Однако «понижили» — перевели из почетного сектора советской литературы в менее существенный сектор классики. Как отметил Зиновий Самойлович: «Меня понизили с Маяковского на Чехова».

Впрочем, наказание оказалось неубедительным, поскольку оба литератора были Паперному не чужды, он их восхищенно боготворил. Что отразилось в книгах этого замечательного литературоведа. Заметим вскользь, что любимый остроумец Москвы был к тому же еще и пресерьезнейшим доктором филологических наук. Ну и хватит об этом. Не в званиях счастье.

Зиновий Паперный был приметой времени. Перефразируя классика, без него народ был бы неполным. Москвичи переспрашивали друг у друга: «Что он сказал?». Это было очень важно — что он сказал. Ибо говорил мудро, четко и убедительно хлестко. Ну разве и сегодня не пригодится его безукоризненное: «Да здравствует то, благодаря чему, мы, несмотря ни на что!».

Совсем недавно в Перми состоялся фестиваль местных «острологов». На самом видном месте красовался плакат с этим текстом Паперного. Местное население нескрывая гордилось — лихо наши ребята сказали! Впрочем, очень многие «цитаты» Паперного безымянно перешли в «народную мудрость». Выше признавать быть-то и не может.

Свою иронию Зиновий Самойлович, как говорится, поставил на службу народу. В самом повседневном смысле этого слова. С давних времен мы с ним вместе встречали Новый год. До чего же самозабвенно он к этому готовился — кого какими словами поздравит? Звонил по телефону, советовался, проверял (довольно агрессивно) свои действительно восхитительные здравицы. Он хотел приносить нам радость. Ему самому

это было в радость, в том-то и секрет якобы неизменно насмешливого Паперного.

Он был, конечно, мастер сарказма не без любви. Впрочем, и в любви, очень даже лишенной сарказма, красивый, неотразимый Зиновий был неутомимый рыцарь. Слово «рыцарь» прошу отметить особо. И «неутомимый» — тоже.

Да и в дружбе он не ленился. В те поры многих порядочных людей запихивали в безысходный тупик. Например, за «космополитизм». Зиновий был из тех весьма немногих, кто не отшатывался от «прокаженного». И не потому, что сам еврей, а потому что безукоризненно благородный, верный человек.

Не берусь судить, кто откуда вышел, но Паперный, вне всяких сомнений, вышел «из шинели Чехова». В нем тоже было благородство понимающего всю горечь жизни человека.

Любовь к Антону Павловичу в нем звучала неким «паперновым» трепетом. Звонит своему бесценному другу Либединской и как бы шутя говорит: «Лидя, я должен тебя огорчить — 15 июля умер Чехов». Лидия Борисовна и сейчас вспоминает: «Он так это сказал, что у меня сердце сжалось и так стало бесконечно печально».

Так ведь и кончина Зиновия Самойловича связана с Антоном Павловичем. Поехал из Переделкино в Москву на празднование юбилея Чехова. Ну как он мог не поехать? А жара была неимоверная! Это при его-то очень больном сердце. Никак, конечно, нельзя было ехать. По дороге хватил жесточайший инсульт. С чем и скончался.

Ушла, покинула нас тогда дорогая примета времени. Как сказал обожаемый Паперным поэт милостию человеческой Светлов: «И вот я умер, чем бы мне заняться?». Что ж, жизнь оставляет по себе много нерешенных вопросов. Ну ничего, Зиновий отшутится.

Впрочем, он же заранее предупреждал: «Что такое старость? Это всего лишь неверие в свою молодость». Вот и умер молодым в свои 77 лет.